

Галина Шестакова

Веретено

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Галина Шестакова

Веретено

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49388076

SelfPub; 2019

Аннотация

В одной далекой уральской деревне умирает старушка. Добрая. При странных обстоятельствах. Ее внучка с гордым именем Мариэтта, а попросту Маруся Кукушкина, возвращается домой на похороны бабушки. И начинается: на нее нападают, она становится невидимой и объявляться ведьмой – со всеми вытекающими. Инквизицией, сожжением и прочими радостями. Страшная повесть и не очень страшные рассказы. Про любовь, встречи и приключения. В оформлении обложки использована фотография автора. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Веретено	4
Глава 1.	4
Глава 2.	16
Глава 3.	29
Глава 4.	34
Глава 5.	40
Глава 6.	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Веретено

Глава 1.

На похороны бабушки я не успела.

Ленка, пришла в теплушку, впустив морозного воздуха и старательно отводя глаза, сунула мне в руку клочок бумажки, где была нацарапана её смешным скачущим почерком телефонограмма. На нашу богом забытую геологическую партию все известия попадают только так: нацарапанные на клочке бумаги смешным почерком Ленки. Думаю, даже если бы наступил конец света, мы узнали бы это только через Ленкины каракули. Пришла бы она, шлёпнула на дощатый стол бумажку, вырванную из школьной тетрадки в косую линейку, всю в жирных пятнах и прилипшей семечковой шелухе, где было бы написано:

«Телефонограмма. 23 марта 1999 года. Наступил конец света».

Впрочем, прочитав о том, что соседка баба Нюра сообщает мне, Марусе Кукушкиной о смерти моей бабки Елизаветы Алексеевны Кукушкиной, для меня наступил персональный конец света. Кроме бабушки у меня никого нет. Точнее, не было. С той минуты, как я получила замасленный обрывок из школьной тетрадки в косую линейку, у меня никого не

стало. Чёрт знает, где Ленка достаёт эти школьные тетрадки в тундре? Да ещё в косую линейку! В таких моя непутёвая мамка училась писать в первых классах. Сейчас таких нет. Тетрадок.

И мамки нет. Не сложилась у неё жизнь. Ни личная, ни трудовая. Да и трудовая жизнь мамку волновала мало. Её волновала любовь, красивые платья и мужчины. Шампанское, а потом водка. Любовь не получилась, платья вышли из моды, а мамка спилась и сгинула, предоставив бабушке заботиться обо мне. Меня она нагуляла, и кто отец, похоже, мамка не знала, да и не переживала об этом.

Переживала она только месяцев пять, когда пузатая жила, скрываясь от своих городских ухажёров в деревне. Потом родив меня, сказала бабушке, что надо оформить декретный отпуск и ещё какие-то бумажки – уехала, и больше не возвращалась. Мне она оставила дурацкое имя Мариэтта, а своей матери, моей бабушке – оставила меня. Иногда присылала деньги и подарки. Когда я получила плюшевого мишку в подарок на своё пятилетие, правда, с опозданием на три месяца, я мечтала, что скоро приедет моя красивая городская мамка и заберёт меня. И тогда, мне все будут завидовать.

Но этого не случилось. Мне никто не завидовал, а наоборот, частенько били. За дурацкое имя за то что нет отца, и за то что нет матери.

В деревне меня пытались называть по-разному: и Ритой, и по заграничному Мари, но потом как-то все сошлись на

Марусе. Маруся Кукушкина – это правильное имя для деревенской девочки. С вечно красным носом – летом от солнца, зимой от мороза. С грязными обломанными ногтями, и цыпками на шелушащихся руках. Мариэттами зовут девочек из города, в туфлях и бантах.

Летом, вместо ягод и цветов я собирала камни. Под тяжестью моих трофеев всё время отрывались карманы. Бабушка боролась с этим, сколько могла. Камни, каменюшки и камешки – разных форм и размеров были везде. Я красиво раскладывала их в канавках деревянных рам, наших маленьких окон, на бабушкиной этажерке, между фарфоровыми вазочками и книгами. Они лежали в корзинке с бабушкиным вязанием. Когда очередной камень падал бабушке на ногу, она тихо ворчала «наказание божье, а не ребёнок», поднимала и пристраивала его, словно выпавшего птенца на место. Зимой, в самые холода, я могла целыми днями, прижавшись к большой и тёплой печи, рассматривать свои камни.

И вполне ожидаемо, что после такой любви к камням я подалась в геологи. Сейчас, правда, я с камнями почти не имею дела, я ищу нефть. Но мои карманы также полны разноцветных камушков. Самые красивые я привожу бабушке. Привозила. В этот раз я не повезу.

В этот раз я не заеду в город, не куплю кучу подарков для бабушки. Я куплю себе чёрный платок и поеду на похороны. Точнее, на похороны я не успела, телефонограмма нашла меня, когда бабушку уже два дня, как похоронили. Я

успею только на девять дней. Но платок я всё равно куплю.

Начальник партии подписал моё заявление на отпуск без содержания по семейным обстоятельствам, без возражений. В любом другом случае Николаич орал бы матом два дня, но потом бы всё равно отпустил. А тут просто подписал. Молча. Потрепал меня по плечу и сказал:

– Ты, главное, Маруська возвращайся. Смотри, бя, не запей с горя! – он потряс у меня перед носом обветренным кулачищем, со сбитыми костяшками.

Николаич мужик хороший, только все нежности из него ветрами в тундре давно повывуло. Но не доброту. Доброта у Николаича спрятана глубоко, никакими ветрами не выдуть. Матом обложит, но с добром. И вездеход, с дефицитной солярой не пожалеет, чтоб до цивилизации докинуть, если что случится.

Водитель наш, посадил меня у посёлка, сунул мятый конверт:

– Ты, Маруся, не переживай. Все под богом ходим. Ребята тут собрали.

Я отнекивалась, но водила у нас мужик серьёзный, под стать Николаичу, запихал мятый конверт мне в карман и выпихнул из вездехода, чтобы слёзы мои благодарные и сопли не видеть.

Помотавшись по посёлку, до автобуса было ещё часа два, я поела в столовке холодных и склизких пельменей, и села в зале ожидания автобусной станции. Зал ожидания, это, ко-

нечно, сильно сказано, маленькая комнатуха, разделённая перегородкой и хлипкой дверью на кассу и место, где могут поместиться два человека стоя, или один сидя на обшарпанной табуретке. Ещё в зал ожидания вмещается ведро для мусора заваленное окурками и печка—буржуйка.

Билет мне продала, через маленькое окошко, выпиленное в двери, отгораживающей зал от самой кассы, тёмная и морщинистая старуха, с тонкими чёрными косицами, перевязанными яркими тряпочками. Несмотря на жарко натопленное помещение, кассирша была в меховом малахае. Если не наклоняться, чтобы заглянуть в окошечко кассы, видно только меховой малахай и косицы. Но я не поленилась, заглянула, и увидела старуху, с плоским, тёмным и морщинистым лицом. В углу рта висела пустая самодельная курительная трубка.

— На какой рейс, тебе милая? — старуха ловко перегнула трубку в другой угол рта.

— Ближайший, — я сунула в окошечко деньги.

— Вот и хорошо! — неизвестно чему обрадовалась она. — Дома тебя ждут, — старуха шлёпнула билет и сдачу в грязное и отбитое блюдо.

Выполнив все обязанности кассира, старуха толкнула дверь, стукнув меня по лбу, и вышла в зал. Села на табурет, подкинула ещё полешко в буржуйку и раскурила трубку. И уставилась на меня.

Я вжалась в угол. На мороз идти не хотелось, но дышать в жарком и прокуренном воздухе становилось невозможно.

Я разозлилась и брякнула:

– Никто не ждёт! – и постаралась не заплакать.

– Не спорь, милая, – и выпустила в меня дым, как паровоз.

Я спорить не стала, вышла на мороз, походила вокруг автобусной станции, надеясь, что автобус придёт по расписанию. Замёрзла и зашла снова погреться.

Старуха сидела в той же позе и задумчиво пускала дым в потолок. Я закашлялась, но на мороз возвращаться не стала.

– Слушай бабушку, – она уставилась на меня своими чёрными, но какими-то водянистыми глазами продолжая со мной беседу, словно я и не выходила на улицу, – она ждёт тебя, не уходит.

На улице просигналил подъехавший автобус. Я не стала дожидаться окончания беседы, выскочила из прокуренного помещения.

Автобус, старенький ПАЗик, стоял с закрытыми дверями. Все окна, были покрыты инеем. Не видно, есть ли там пассажиры и водитель. После общения со старухой, в голове всё слегка покачивалось и кружилось, и вполне могло статься, что автобус приехал сам по себе, без водителя, совершенно пустой, или, вообще, мне привиделся.

Но пока я размышляла о наполнении автобуса, из-за него показался парень, с таким же плоским лицом как у кассирши, в меховой жилетке. Похлопывая себя руками по предплечьям и поёживаясь, он яростно пинал по колёсам автобуса.

– Едешь? – строго спросил меня.

– Да, – я протянула ему билет. – До города.

Он, не посмотрев на билет, сунул его в карман, и obeжав автобус, запрыгнул на водительское место. Дверь открылась, на меня дохнуло теплом. Я не стала дожидаться приглашения, прошла внутрь салона. В автобусе почти никого не было. Две старушки в малахаях, очень похожие на кассиршу и растрёпанная девчонка. Она с интересом посмотрела на меня.

Я кинула рюкзак на сидение и устроилась подальше от старушек и девчонки. Разговаривать совсем не хотелось. Хватила сумасшедшей кассирши с тряпочными завязками на косах.

Девчонка всю дорогу пыталась со мной разговаривать. Она ехала в город впервые, волновалась и старалась узнать о городе всё, чтобы не опростоволоситься. Когда я призналась ей, что сама из деревни, но не сказала, что пять лет училась в университете, чтобы опять уехать в глушь, она расстроилась и отстала от меня. Старушки всю дорогу болтали и не обращая внимания на нас. Но потом, проголодались, открыли свои сумки, заполнив весь ПАЗик запахами еды. Разложили продукты на сидении напротив, накрыв его старенькой скатёркой, ехали, видно, не впервые и подготовились со всем старанием. Потом одна, кряхтя и переваливаясь, вылезла и подошла к водителю.

– Сынок, пойдём, покушаем, – старушка похлопала его по

плечу.

Парень только этого и ждал. Видимо, тоже, не первый раз ехал с бабушками. Остановил автобус, не глуша двигателя, в морозы в наших краях технику вообще не выключают, гоняют сутками, выскочил из кабины. Все знают: если заглох – то замёрз, наверняка.

Потом бабушка пригласила меня и девчонку. Я поупиралась, но старушка отказов не слышала просто взяла меня за руку, как маленькую и привела. Рука у неё была сухая и морщинистая, как у моей бабушки. И я не смогла отказаться. Старалась не плакать, хлюпая носом. На кожаном растрескавшемся сидении старушки разложили стряпню, картошку и курицу. Еды было приготовлено на роту голодных солдат. На улице быстро темнело, под потолком горела тусклая лампочка, печка грела и было даже уютно в старом ПАЗике.

Бабушки ехали к внукам в город. Они показали всем истрёпанные фотографии внуков, тыкая пальцами в малышей и ребят постарше, и рассказывали. Эта процедура проходила, видимо, тоже постоянно, потому что водитель знал, кого и как звать и с любопытством спрашивал. Особенно интересовался внучкой одной из старушек. Она хитро улыбнулась и погрозила ему пальцем.

– Мала ещё женихаться! – строго сказала бабушка и спрятала фотографии.

– Пятнадцать! – не сдавался водитель. – Ты сама то, анеква, во сколько лет замуж вышла?

– Какая я тебе бабушка! – усмехнулась старушка. – Бабушкой я тебе буду, когда ты на моей внучке женишься! – она вздохнула и похлопала его по руке. – Не грусти парень!

Поехали уже, а то скоро лопнешь от моих булок!

Водитель нахмурился и пошёл в кабину. Старушки, складывая пирожки и булки, вздыхали, какая нетерпеливая молодёжь пошла! Всё и сразу давай!

– Ты не печалься, – сказала одна из бабушек, и вручила мне пакет с едой. – Тебе долго ехать ещё, бери, бери!

Я отказываться не стала. Засунула пирожки и булки в рюкзак, ехать мне ещё долго. Ночью приедем в город, там бы на проходящий до Перми. А из Перми электричкой до Розе-пино. А там, там лучше не думать.

В поезд я села ночью. Тихо пробралась по плацкарту, между свисающих простыней и торчащих ног до своего места. Напротив меня спала маленькая старушка. Как сговорились. Всю дорогу бабушки. От этого плакать ещё больше хочется. Я села, уткнулась носом в прохладное окно и смотрела, пока не слиплись глаза на мелькавшие за окном станции, столбы и сугробы. Потом забралась под влажную простыню и заснула.

Утром проснулась от взгляда. Бабушка сидела напротив и непрерывно смотрела на меня.

– Проснулась! – обрадовалась она. – Давай, завтракать пора.

Она засуетилась, доставая из болоньевой сумки, сшитой из отслужившего зонтика, пакетики с едой. Яйца, сваренные

вкрутую, бутерброды, шанежки. Шуршала и обстоятельно раскладывала это на столе.

– Давайте я чай принесу! – спохватилась я и побежала в начало вагона к титану за кипятком.

Потом тоже выложила из рюкзака пироги и булки, подаренные мне старушками из автобуса.

– Сама стряпала? – удивлённо и в то же время, хваля меня, сказала бабушка.

Я помотала головой. С полным ртом не разговаривай, это вбито с детства.

– Я вот к внучке ездила, – продолжила она без перерыва. – Она у меня хорошая. Только вот развелась недавно. А мальчонка ещё маленький, помогала я, нянчилась.

– Повезло, – вздохнула я, подумав о неизвестной внучке, к которой ездила бабушка.

– Конечно, – согласилась бабушка, – лучше сейчас расстаться, чем всю жизнь маяться.

Сказать–то она сказала, но была несогласна.

– Мы вон с дедом по–разному жили, – она вздохнула, – но не разводились. Мы с ним на войне познакомились. Он ушёл сразу после школы воевать и я тоже. Поучилась маленько на медсестру, и на фронт.

Было видно, что бабушке хотелось поговорить. Не слушают дома рассказов её. Не до того. Маленький ребёнок, развод, не до бабушкиных историй.

– А как познакомились? – спросила я.

– Да всё ж просто бывает, – сразу оживилась бабушка. – Ты вот знаешь, – она понизила голос, – на фронте–то как было... – она опять вздохнула, – всё твердили по радио «а ты записался добровольцем?», плакаты везде висели... – она вздохнула тяжело. – Все наши мальчишки из класса ушли на фронт. И мы, девочки тоже решили.

Бабушка потеряла рукав кофты. Вздохнула ещё раз тяжело, вспоминая девочек и мальчишек из класса.

– Мальчишки-то почти все сгинули. Да и девочки.

Она пригорюнилась, сжалась, словно ссохлась.

– Да, мы с девочками-то тоже пошли. – продолжила бабушка. – Кто в связистки, кто в медсёстры. Почётно это было. Пока уходили на фронт.

Она отпила остывшего чая.

– А на фронте, там по-разному было. Многие к нам относились, ну, как к распутным девкам. Понимаешь? – она посмотрела на меня прозрачными, почти выцветшими глазами, немного испуганно.

– Нет! – я помотала головой. – Как это? Вы же за Родину воевали!

– Плохо относились, – бабушка испуганно посмотрела на меня, – нельзя только об этом говорить. Да я уж старая стала, не страшно. Особенно плохо было, когда мы вернулись домой, после войны. Подстилками нас обзывали. А ведь я честь свою сберегла! – в глазах блеснули слёзы. – Подругу мою по санбату, мать из дома выставила. Она домой в дерев-

ню вернулась, а мать ей чемодан через неделю собрала и из дома выгнала.

– Нет! – я не верила, что такое возможно.

– Она ко мне приехала в город. Мать ей сказала, что ты меня прости, но у меня ещё двое девок младших, и замуж их не выдать, если ты останешься, про вас, кто с фронта вернулся, дурное говорят. Мы с ней долго скрывали, что на фронте были. Она так плакала, что все документы наградные сожгла.

– А замуж как вышли? – спросила я.

– Да, Коленька любил меня. Спас он меня, заступился. Не все думали, что на фронт только пропащие девки идут. Я-то девушкой замуж за него вышла, – бабушка серьёзно посмотрела на меня.

Я заплакала. От обиды за несправедливость, что у всех есть бабушки. А у меня нет. И, вообще, никого больше нет.

И от обиды за эту бабушку.

– Не плачь, – бабушка забеспокоилась и стала искать по карманам вязаной кофты платок.

Платок оказался за отворотом рукава. Бабушка, ругая себя, что мол старая совсем, памяти нет, принялась как маленькой мне вытирать платком нос и щёки.

– Не плачь. Платок чистый, не волнуйся. Что ты так расстроилась милая? – она сыпала вопросами, не дожидаясь ответа просто чтобы отвлечь меня от слёз.

Глава 2.

Я вышла ночью на станции Пермь Вторая. Прошла в продаваемый вокзал, купила билет на электричку до своей деревни Розепино. Сквозняк метался между тускло-серых стен вокзала, становясь всё пронзительней к залу ожидания. До электрички оставалось ещё часа два. Я обняла рюкзак и устроилась на жёстком фанерном сидении подремать. Но заснуть не удалось. Вокзальная девушка заспанным голосом непрерывно объявляла о прибытии и убытии поездов и электричек, зевала в микрофон, и читала информацию для пассажиров. По вокзалу бродили пассажиры с озабоченными и хмурыми лицами, и даже не пытались устроиться поспать. Надеялись выспаться в тепле вагонов, покачиваясь в такт и глядя на проносящиеся за окном деревья.

Чем ближе я была к дому, тем страшнее становилось мне. Надо будет что-то делать, решать, как жить дальше, принимать соболезнования, устраивать поминальные девять дней. Под эти невесёлые раздумья я залезла в пустой вагон электрички. В тепле меня разморило, и я заснула. Мне снились все бабушки, которых я встретила в дороге. Они стояли вокруг меня и заботились: кормили, промокали мне слёзы. Заунывно пела, раскачивая длинными косицами с яркими тряпочками кассирша, курила и выдувала мне в лицо дым из своей самодельной трубки. Я закашлялась и проснулась.

Электричка стояла на станции Розепино.

Ругаясь про себя, я схватила рюкзак и выскочила на станцию. Электричка, словно только меня и дожидалась, коротко свистнула и умчалась в темноту. На станции было темно, единственный фонарь, скрежеща, покачивался на проводе с разбитой лампочкой. Деревянный домик служивший кассой и залом ожидания, уныло смотрел тёмными окнами. Все тропинки были занесены снегом. Родная деревня встречала меня угрюмо. Касса открывается только в восемь утра. Тётя Шура ещё не пришла на работу. Она шумная и большая женщина. Зимой первым делом берётся за лопату, отгребая от своей избушки снег. Летом выращивает в отслуживших шинах камазов ноготки и настурции, заботливо поливает и разговаривает с ними, обдирая завядшие цветы. Зимой она первая торит тропинку из деревни к станции в громадных валенках, и за ней уже легко бегут к станции, и в деревню люди. Тётю Шуру ждать ещё часа два, за это время я успею замёрзнуть, и тётя Шура найдёт только окоченевший труп.

Я решительно встала перед заметённой тропкой. Надо то всего перейти через картофельное поле, хлипкий мостик в две досочки над замёрзшим ручьём, и пару огородов, и я дома. Но никогда мне не было так трудно решиться пробежать эту пару километров. Я смотрела себе под ноги и старалась не думать, что я увижу дома. Пустоту. И дома не топлено. Выстуженный, брошенный дом. Я сжала зубы и пошла домой.

Подходя к дому, я надеялась, что всё это дурной сон, и в окне горит свет, и бабушка уже подтапливает, выставшую за ночь печь, греет пятилитровый синий чайник, ругает вечно попадавшего под ноги кота.

Кот. Сбежал, наверно.

Я стояла у палисадника, держалась за столбик и вглядывалась в окна. На секунду мне показалось, что в доме мелькнул свет. Я сжала кулаки, не разрешая себе верить, что всё это случайная, страшная нелепость. В голове пронеслась картинка, как я возвращаю мятый конверт с деньгами нашим ребятам, и смеясь рассказываю, что это ошибка! Ошибка! Бабушка жива. Я её напугала, сонную, когда она ходила неизвестно почему с фонариком по сеним. Да может пробки вышибло!

Я толкнула ворота в крытый двор, и у меня упало сердце. Бабушка никогда бы не легла спать, не заперев весь дом. Ворота с противным скрипом открылись. Случайность. Все могут забыть запереть ворота, я шептала про себя.

Но когда тяжёлая дверь в дом, открылась и из избы пахнуло спёртым, не жилым воздухом, я заплакала.

У окна, на обеденном столе слабенько горел огарок свечи, рядом сидел бабушкин кот и смотрел прямо на меня.

– Ужо не чаяли дожждаться, – сказал басом кот, сверкая в полутьме глазами.

Я помотала головой, и переступая порог, запнулась, пролетев пару метров, упала на середину комнаты.

– Впечатлительная, – сурово вынес приговор кот Капитон.

Иногда я пыталась представить, как бы разговаривал бабушкин кот, если бы был человеком. Вот именно так! Басом, коротко и по делу. Потому что кот Капитон – решительный бандит. Башкастый, серый в полоску. С драными в боях ушами, и сломанным хвостом. Он всё время бился за любовь и территорию. Иногда пропадал. Тогда бабушка ходила его искать по канавам и кустам. Находила всего в крови, поверженного, но не побеждённого. Отмывала, зализывала раны. Через неделю кот уходил, и через пару дней возвращался победителем. Что становилось с противником, я предпочитала не думать. Иногда приходили скандалить соседи, обещая убить паршивца поленом, за то, что извёл очередного соседского кота.

– Капа, – сказала я жалостливо коту, стоя на коленках, – коты не разговаривают.

Кот хмыкнул и прыгнул со стола. Я осторожно встала, и не поворачиваясь спиной к коту вернулась к двери и включила свет, очень надеясь, что мне это всё привиделось и прислышалось.

– Коты не разговаривают, – ещё раз сказала я, на всякий случай.

Капитон сидел на полу и внимательно смотрел на меня. Потом душераздирающе мяргнул и подошёл к миске.

– Голодный котик! – успокоилась я и открыла холодильник.

В холодильнике было пусто. Совершенно пусто. Лишь в морозилке нашлась старая перемёрзшая сосиска, я с извинениями предложила её коту. Кот насторожённо её понюхал и остался в задумчивости на предмет её съедобности.

Пока кот раздумывал, и даже вёл себя по-кошачьи, дёргал хвостом, делал недовольные морды, я осмотрела дом.

Дом был пустой. Было ощущение, словно из него переехали. Остался только стол и стул и старый холодильник. Не было ни этажерки, ни вазочек. Книги и камни валялись кучкой на полу. Ни фотографий на стене. Ничего. Пусто. В углу валялись старые бабушки калоши, с истёртой красной байковой подкладкой и веник. Я смотрела на разорённый дом, и плакала. Кот подошёл, потёрся о мои ноги и сел рядом.

Я наклонилась погладить Капитона за ухом и увидела под стулом веретено. Бабушкино веретено! Когда-то она пряла, сидела за старинной, прапрабабушкиной прялкой и наматывала тонкую шерстяную нитку. Сколько я ни пыталась научиться прясть, у меня не выходило: нитка рвалась, не накручивалась. Бесталанная я оказалась к прядению. Ну и ладно. Я схватилась за это веретено, как за последнюю надежду.

– Бабушкино! – тихо проговорила я.

Выточенное на токарном станке, вытертое до гладкости бабушкиными руками, спиралью сбегające бороздки от туго намотанных нитей, год за годом ложившиеся под ловкими бабушкиными пальцами. Я гладила веретено с закрытыми глазами, и видела перед собой бабушку за прялкой: молодую

и счастливую.

– Печь пора топить, хозяйка! – вырвало из видения басовитое ворчание.

– Капитон! – ответила я, не открывая глаза. – прекрати сейчас же! Коты не разговаривают. Точка.

– Глазы-то расколупай! – сердито продолжил общение кот, находясь примерно в районе обеденного стола.

– Мррр! – Капитон потёрся об мои ноги одновременно с сердитым басом.

Я приоткрыла один глаз, осторожно посмотрела. За столом на единственном стуле сидел мужик. Бородатый, в тулупе и выжидательно смотрел на меня.

– Вы кто? – пискнула я и уронила веретено от испуга.

Мужик пропал. Капитон тёрся об мои ноги, показывая всем своим кошачьим видом, что он кот благонадёжный и молчаливый.

– Веретено подбери, – приказали мне с единственного стула.

Я нагнулась и взяла веретено, внимательно рассматривая пустой стул. Как только, я взяла веретено – на стуле появился мужик. Дикая слабость подкосила меня, я села на пол, держась за веретено, как за спасательный круг.

– Ладно, – пробасил мужик, – пусть так, на полу, раз так тебе спокойнее. Давай поговорим.

Я мотнула головой соглашаясь. Поговорим, хорошо. Может после этого он испариться. Я останусь одна с Капитоном

в пустом холодном доме.

– Ну, если тебе нравится в пустом холодном доме с Капитоном и с одной сосиской на двоих. Пожалуйста, – обиделся мужик.

– Подслушивать нехорошо, – тихо сказала я.

– Ты так громко боишься, что и напрягаться не надо, – хмыкнул мужик. – В общем, так, – он поднял седые кустистые брови, – я тутошний домовый Веня. Служил ещё твоей прапрабабке Лукерье.

– Веня... – обречённо сказала я.

– Можно Вениамин Семёныч, если тебя это больше устраивает. Вставай давай с пола, нечо на грязном и холодном сидеть. У нас дел прорва.

Я послушно встала, но ноги были ватные.

– Значица так, – Веня загнул палец, – перво-наперво надо печь истопить – не дело это в холоде жить и избу студить. Потом, – он загнул второй палец, – надо всё прибрать. Много чужих здесь ходило, грязи много, слёз и зависти.

Он загнул третий палец и многозначительно посмотрел на меня.

– И? – испуганно спросила, ожидая чего-то страшного.

– И, – он удовлетворённо кивнул, мол, правильно мыслишь девочка, – самое главное: тебе надо всё рассказать, тебя надо научить и ты должна отомстить.

– Всего-то? – разозлилась я.

Страх прошёл, мне надоело стоять столбом посередине

комнаты. Я зашла в соседнюю, нашла там стул, поставила стул напротив Вени и села. Веретено положила на стол. Веня не пропал.

– Быстро схватываешь! – обрадовался Веня. – Лизаветы Ляксевны порода, не то что дочь. Испугалась и сбежала. Пропавшая, – поставил точку в характеристике моей матери.

– Чего испугалась? – решила уточнить я.

– Нуу, всего... – неопределённо сказал Веня и также неопределённо обвёл избу рукой.

– Непонятно, ну ладно, разберёмся.

– Хорошо, – согласился он. – Я-то думал, что и ты такая, – он многозначительно посмотрел на меня, ну когда уехала в город учиться, а потом работать на край географии. Но ничего, ты наша, – и он гордо посмотрел на меня, словно то, что я «наша» оказалась лично его заслугой.

– Конечно, моя, – согласился он. – Ну, не вся, – тут же поправился, но и моя есть.

– Нехорошо подслушивать, – веско напомнила я правила хорошего тона. – Я сейчас с хозяйством разберусь, а потом ты мне всё расскажешь.

Я встала, принесла дров и затопила печь. Через полчаса в доме запахло жилым. Натаскала воды из колодца, вымыла полы, поставила бабушкин синий чайник кипятить. Разыскала посуду – две треснувшие чашки и тарелка с голубой каёмочкой. Оттёрла стол от липких пятен. Достала из рюкзака оставшиеся пироги и булки. И накрыла стол. Капитону от-

варила сосиску и раскрошила мясной пирог.

– Ешь, Капа, потом в магазин схожу, куплю еды. Пока что есть.

Капитон протяжно мяргнул и с урчанием сожрал сосиску и пирог. И с ословелыми глазами уселся рядом.

– Я так и не поняла, Капитон, ты-то разговариваешь или нет? – решила я уточнить, на всякий случай.

Кот сонно посмотрел на меня и мяргнул.

– Он же кот! – укоризненно сказал Веня, с удовольствием наблюдавший за тем как, я прибираюсь и накрываю на стол.

– Ну, так ить кто ж вас знает, – хмыкнула я. – Ты видимый-невидимый, а кот болтающий. Я бы уже не удивилась.

Я налила свежесваренного чаю по чашкам. Пододвинула пироги к Вене и сказала:

–Рассказывай, что тут случилось.

– Лизавета Ляксевна, не сама умерла. Помогли, – он шумно втянул воздух над чашкой с чаем, а потом над пирогами, – вкусные пироги старушки стряпают. Старались стряпали, чтоб тебе на всю дорогу хватило.

– Ты откуда знаешь?

– Думаешь, ты сама по себе так добралась? Без проблем? И билеты нашлись на нужный поезд и в нужное время? Да всю дорогу тебя бабушки сопровождали, берегли и разговоры разговаривали! – рассердился Веня.

– Как это?

– Так это! – опять шумно втянул воздух Веня. – Всё это

знакомицы Лизаветы Ляксевны. Уж понятно было, что тебе не до еды будет, вот и старались, тебя кормили, встречали, провожали, берегли всю дорогу.

– Что ж вы такие умные и заботливые бабушку не уберегли! – закричала я.

– Она знала, чем занимается, – строго сказал Веня.

– Чем? – вскочила я, расплёскивая чай. – Людей всю жизнь лечила. Фельдшером в нашей деревне всю жизнь работала! И на пенсии покоя не было! К новой докторице никто не шёл, все к бабушке! «Полечи Ляксевна!» – протянула я, изображая деревенских старух. – Докторица сколь раз скандалить приходила!

– Хватит орать, – строго сказал Веня. – Горе, я понимаю. И у меня, между прочим, тоже горе. Вот и надо разобраться, кто напакостил.

– Ешь пироги-то, – примирительно сказала я, жалея о своём крике.

– Домовые только запахом питаются, – ответил Веня. – Благодарствую. Вкусно всё хозяйка. Сейчас пей чай, и слушай.

Пока я пила чай и слушала Веню, я успела возненавидеть всю деревню со всеми жителями. Бабушка, оказывается, непросто лечила всех деревенских, она и порчу снимала, и венец безбрачия, и присушки-привороты. Но не рассказывала всем. Пришёл человек с отравлением, а вылечился от сглаза и даже не узнал. Кому-то сильно помешала бабушка.

Потом Веня осторожно рассказывал, как прошли похороны. Когда умерла бабушка, деревенские, узнав, что я не успеваю приехать, скинулись на похороны. Любили Лизавету Ляксевну в деревне. С кладбища пришли к нам домой, соседка баба Нюра приготовила поминальный обед. Сначала все сидели чинно, вспоминали какая хорошая была бабушка, всех лечила, сколько человек спасла от разных напастей и от смерти. Сколько человек не дала залечить до смерти нашим, вечно сменяющимся докторицам, которым веры нет совсем.

И тут понеслось. Люди словно обезумели, сорвались, стали пить, скандалить, драться. Потом всё что находили в избе стали распахивать по карманам, а дальше просто растаскивать к себе по домам. Последний ушёл бывший председатель колхоза завязав скатерть узлом со всей посудой и едой и плюнув на порог.

– Владимир Петрович? – недоверчиво спросила я. – Ты, Веня, точно ничего не путаешь? Владимир Петрович? Который с себя последнюю рубашку снимет, что б соседям помочь?

– Я ж тебе говорю, обезумели люди. Почему – не знаю. Как было, так и говорю.

Кот запрыгнул на стол и внимательно посмотрел на меня, потом коротко мяргнул, словно подтверждая слова Вени.

– Подтверждаешь его слова? – спросила я у кота.

– Между прочим, обидно это слышать, – насупился Веня.

– Ну, сам посуди, я приезжаю домой, дома разгром, сидит

мужик в тулупе и рассказывает страшное про моих соседей. И единственный кто может подтвердить его слова – кот Капитон.

– Я не простой мужик, – ещё больше насупился Веня, сдвинул седые брови и запыхтел как паровоз. – Я домовой. Чего тогда на грязном полу сидела, коли я просто мужик?

– Нууу... от неожиданности!

– От такой неожиданности болезнь межвежья случается, – не сдавался Веня. – Что, ты меня совсем–совсем не помнишь? Маленькая ты со мной часто играла.

Что–то мелькнуло у меня, действительно знакомое.

«Голубенькая маленькая чашечка и стакан в подстаканнике, мы сидим в огороде и пьем чай с моим другом. Только его никто кроме меня не видит. И чай он пьет смешно – он пьет запах».

– Верно, верно! – обрадовался Веня. – Ты всегда к чаю бутерброды по городскому готовила: подорожник, сверху берёзовых листочков, потом лук и потом обязательно цветочком украсишь! Сидим с тобой чаи гоняем в огороде, а все соседские над тобой смеются!

– Вот почему меня ненормальной звали... – вздохнула я. – И били.

– Я им всем отомстил. Кому подножку поставил, у кого тетрадку с домашним заданием спрятал, – гордо сказал Веня. – Только Лизавета Ляксевна мне потом запретила с тобой играть.

– Жаль.

– Жаль, – как эхо повторил Веня.

Глава 3.

К десяти утра еле–еле рассвело.

–Так, я в магазин, за едой какой–нибудь. А вы, – я строго посмотрела на кота и Веню, – без глупостей!

У магазина, перед открытием, как обычно, собрались все неработающие. Бабушки, и дедушки у кого с утра внутри горит, и прочая выходная публика. Все переговаривались, спорили, кто за кем, считали деньги в кошельке, но как только заметили меня – насторожились.

Улыбаться я не стала, не ко времени, просто поздоровалась.

Но мне никто не ответил, отошли на безопасное расстояние и с опаской ждали моих действий. Наконец открылся магазин. Продавщица, с лёгкого похмелья, глянула на ожидающих мутным глазом и скомандовала:

–Заходи по очереди! – сплюнула в жёлтый сугроб, и добавила. – Не кричать и не ругаться. Шо б все вели себя тихо!

Бабки заволновались, перешёптываясь, что Людка опять с бодуна, вот выгонят её из Потребкооперации и правильно сделают. Толпа волновалась, но внутрь не заходила. Все смотрели на меня.

–Кто последний? – осторожно спросила я.

Мне никто не ответил.

–Никому в магазин не надо?

Тут выглянула недовольная Людка и обложила всех матом:

– Если вам, делать нечего и вы пришли сюда на внучку Лясеvны посмотреть, я тогда спать пошла! – и хлопнула дверью так, что со стен посыпалась труха.

Народ заволновался, но с места не сдвинулся.

– Ладно, народ, коли нет никого в очереди я пошла, – сказала я и открыла дверь магазина.

Людка сидела за кассой, обхватив голову руками. Пахло перегаром. В магазине тускло светила лампочка.

– Здравствуй, Люда.

– И тебе не хворать, – Людка подняла на меня мутные глаза. – Говори чего, да я и вправду магазин закрою, назло баранам этим.

В доме еды не было никакой, поэтому я основательно закупилась. Крупы, консервы, чай, хлеб, мука, масло.

Рассчиталась, и не задавая лишних вопросов, пошла домой.

– Ты это, – Людкадохнула перегаром, – прости их. Умом все тронулись после смерти Ляксеvны. Заходи если, чо. Хорошая она баба была.

– Спасибо, Люда.

Я вышла из магазина. Люди насторожённо смотрели на меня и не двигались с места.

Дома отыскав старые кастрюли и ещё кое-чего из посуды в сених, я приготовила обед, накормила кота и себя с Веней.

Ну, Веня, как жилец не обременителен – запахом питайся сколько хочешь.

Он, выслушав рассказ о походе в магазин, сказал:

– Вот! А я тебе чего говорил! Надо выяснить – кто напа-
костил.

Пара дней прошли вполне спокойно. На улицах меня об-
ходили, как заразную, никто не здоровался и не отвечал на
приветствия. Я приводила дом в порядок; мыла, чистила,
разыскивала вещи на чердаке и в сенях. Спать устроилась
на печи.

На девять дней никто не пришёл. Хотя я и попыталась
пригласить бабу Нюру, тётю Шуру и ещё кое-кого из соседей.
Они не отвечали на мои вопросы, просто смотрели, мимо
меня в пустоту, словно я прозрачная.

Я настряпала пирогов, сходила на кладбище, и мы тихо
посидели втроём: я, кот и Веня. А ночью я проснулась от
истощных воплей Капитона. Сначала и не разобрала, что
случилось, но с перепугу свались с печи, сильно стукнув-
шись локтем. Из-под двери тоненькой струйкой просачивал-
ся дым. Я рванула дверь, в сенях полыхало. Двери в дом бы-
ли выворочены с петлями и валялись в снегу.

Я схватила вёдра с водой, стоявшие у печи, плеснула в
огонь, но лишь слегка прибила. Кот метался и орал как су-
масшедший.

– Тихо ты! – шикнула я на Капитона и поддала ему, чтобы
не путался под ногами.

Накинула на себя старый тулуп, закрыла лицо рукавом и бросилась через полыхающие сени на улицу. Старой, обломанной деревянной лопатой стала кидать снег в сени, пытаюсь затушить огонь. Потушить получилось довольно быстро. Огонь ещё как следует не занялся.

Закидав огонь, я включила свет и обследовала дом. Вывороченные толстенные двери, валялись у дома. В сенях пахло горелым, но пострадал только потолок и старый коврик. Кто-то накидал сена и поджёг его. Если бы не истерика Капитона, я вполне бы могла сначала угореть в дыму, а потом сгореть вместе с домом.

Я взяла Капитона на руки и успокоительно почесала за ухом:

– Ты настоящий герой! Спас нас от верной смерти!

Кот успокоился и замурчал.

– А вот Веня решил нас бросить! – разозлилась на домового. – Где его носит?

Тут до меня дошёл весь ужас ситуации, я стояла с котом на руках, в разворованном и подожжённом доме, никому не нужная. И кому-то очень мешающая в деревне. Колени предательски затряслись, и я разозлилась. Да, что это! За последние дни я только и делаю, что плачу и боюсь!

– Вас нельзя оставить на пару часов! – пробасил Веня, появляясь у меня за спиной.

От неожиданности я выронила кота, Капитон упал на пол и очень разозлился.

– Что случилось? – не обращая внимания на шипение Капитона, Веня басил мне в ухо.

– Капитон геройски спас меня от поджога. А вот где ты был?

– Ну, – Веня замялся, – домовые тоже люди...

– Ага, – согласилась я. – Мы на осадном положении, поэтому «тоже люди» отменяются.

– Да понял я, – обиделся Веня.

Глава 4.

На следующий день вся деревня пришла посмотреть на неудавшийся пожар. Стояли, кивали головой, переговаривались. Как только я показывалась в окне, или выходила из дому, все отворачивались и быстро расходились.

Для меня это было не привычно. Как бы ни ругались соседи из-за козы, поевшей капусту, как бы не перемывали кости друг другу из-за какой-нибудь ерунды, в деревне все приходят на выручку в случае беды. Как с бабушкой. Собрали деньги, похоронили, поминки справили. Только вот потом... потом словно порчу кто навёл.

Я пыталась вернуть деньги соседям – меня в упор не видели. Шарахались, как от чумной. Может и правда, порча?

– Так, ить вполне возможно, – откликнулся на мои мысли Веня. – Кому-то Лизавета Ляксевна поперёк горла стала. Надо пристальней присмотреться к людям.

– Вот скажи, – я посмотрела на Веню, задумчиво чесавшего седую бороду, – лечиться все ходили к бабушке?

– Да, – Веня отвлёкся от бороды.

– Может кто-то в последнее время перестал?

– Да нет, – раздумчиво протянул Веня. – Я, конечно, не всё время туточки сидел, понимаешь...

– Понимаю, – хмыкнула я, вспомнив, что домовые тоже люди. – Личную жизнь устраивал?

– А что? – рассердился Веня. – Я что, права не имею?

– Ладно, – примирительно махнула я рукой, – кто-то новый в деревне появился?

– Нет.

– А докторица, что скандал устраивала? – допытывалась я.

Теперь-то и узнать не у кого. Раньше зашла к бабе Нюре, она тебе всё про всех и рассказала. А теперь?

– Та то... – пожал плечами Веня, – давно уехала. Только три года оттрубила отработки после института и уехала.

– А сейчас кто? – я побарабанила пальцами по макушке Капитона, неудачно устроившегося поспать у меня на коленях. – Слушай, может с Людкой поговорить? Она единственная со мной разговаривает!

– Сейчас внучка тётки Шуры докторицей работает. Недавно вернулась из города. Но тётя Шура перед самой смертью Лизаветы Ляксевны приходила с болячкой своей. И внучку приводила, та всё у бабушки твоей поучиться хотела. Любопытная такая... всё про травки спрашивала. Людка, она пропойца, – безнадёжно махнул на меня Веня.

Но я всё ж решила попытать счастья. Пришла в магазин к закрытию. Людка уже и ставни на замок закрыла, я в последнюю минуту заскочила. Людка покосилась на меня, но спросила:

– Чего тебе? Хлеба?

– Хлеба, – я не стала перечить. – Люда, что случилась на поминках у бабушки?

– А я почём знаю? – она шлёпнула буханку на прилавок. Посмотрела на меня, как я покорно выкладываю деньги.

– Не знаю я, – смиростивилась Людка, – пьяная была. Здесь лежала, – она мотнула головой в сторону подсобки. – Мужик меня бросил. К молодой ушёл. Я и напилась.

Она помолчала, потом продолжила:

– Бабушка твоя всё меня уговаривала к ней прийти, по-лечиться от спиртного. А зачем? – она посмотрела на меня мутными глазами. – Зачем лечиться? Я эту жизнь едва-едва пьяная-то выношу! А как трезвыми глазами посмотрю, так сразу в петлю полезу! А это грех, – серьёзно сказала Люда.

– Эх, не понимаю я, что случилось. Народ от меня шарахается. Говорить не говорят. Из дома всё подчистую вынесли! – я махнула рукой, на охнувшую Людку. – Да и бог с ними. Но ведь ночью–то меня спалить решил кто–то вместе с домом!

– Да, – Люда пожала плечами, – гнилой народишко. Знаешь, – она усмехнулась, – они ж меня за человека не считают, все при мне говорят, я послушаю. Заходи дня через два. Может, кто проговорится.

– Спасибо тебе, Люда.

Выйдя из магазина, я в темноте побрела домой. Из окон домов пробивался свет – вот и всё освещение улиц. К вечеру поднялся ветер. На улице никого не было, все попрятались от пронизывающего ветра по домам. Даже собаки забились, не было слышно обычного ленивого брехания.

Я услышала, как Людка навесила засов на магазинную дверь и защёлкнула старинный амбарный замок. Оглянувшись и махнула ей на прощанье рукой, она махнула в ответ и пошла на другой конец деревни, к своей развалюшке избе. Единственный человек в деревне, кто со мной разговаривает – пропойца Людка. Странно. Мы раньше и не общались с ней почти.

Ветер становился всё сильнее, ожесточённо бросал колющий снег мне в лицо. Я подняла воротник, и краем глаза увидела тёмную тень, бесшумно скользнувшую мимо меня. На собаку не похоже, слишком большая. Что это могло быть? Я обернулась, надеясь, что это только мне показалось.

Людка, пройдя немного, остановилась в желтоватом слабеньком свете от окон дома тёти Шуры. Было видно, как она сосредоточенно что-то ищет в карманах пальто. Ничего похожего на тень, промчавшуюся мимо меня, не было. Я решила, что мне это всё же показалось, развернулась и пошла домой. Капитон уже, наверное, сидит голодный у двери, дожидаясь своей сосиски.

Внезапно ветер стих, и я услышала тоненький всхлип. Буханка выпала у меня из рук, от этого жалостливого детского всхлипа. Внутри металось «ребёнок, ребёнок, кто выпустил такого маленького в темень»? Я повернулась, умоляя неизвестно кого, пусть мне всех это кажется!

Людка стояла в свете от окон, махала на кого-то руками и кричала. Она кричала так тонко и обиженно, как маленький

ребёнок. Вокруг неё металась чёрная громадная тень. Снизу живота поднялась обжигающая волна жара, в горле пересохло, а по спине побежал ледяной струйкой пот. Тень бросилась на Людку, подкинула её, словно лёгкую тряпичную куклу и разорвала.

Я стояла и кричала. Но крика не было. Ноги стали противно ватными. Я понимала, что надо бежать на помощь Людке, но тело не подчинялось. Сделав с невероятным усилием шаг, я не удержала равновесия и упала. Руками почувствовав обжигающе холодный снег, я немного пришла в себя. Поднялась и пошла. Каждый шаг мне давался с усилием. Тёмная тень, размером с хорошую корову, постояла над поверженной Людкой и бесшумно скрылась в конце деревни.

Мне казалось, что я бегу. Но на самом деле я двигалась очень медленно. Тело сопротивлялось идти туда, где произошло то, чего мне точно не хотелось видеть. Когда я преодолела эти метры и добралась на ватных, не подчиняющихся мне ногах до Людки, спасти её было поздно. Она лежала, на снегу, как сломанная кукла, раскинув руки. Пальто нараспашку, оторванные пуговицы рассыпаны по кровавому снегу.

– Мааууу! – завыл рядом как подземный дух Капитон. – Мааууу!

Я дёрнулась, оторвала взгляд от растерзанной Людки.

– Быстро домой! – скомандовал мне Капитон голосом Вени. – Не оборачивайся! – Пресёк он мою попытку посмот-

реть на Люду.

Я подчинилась. Подгоняемая душераздирающими воплями Капитона, я бежала по улице до самого дома. Закрыв дверь на засов, я не раздеваясь села за стол. Меня трясло, и вода из кружки, которую я пыталась пить, расплёскивалась по столу.

– Вееняяя, – стуча зубами, попыталась спросить я, – Вееняяя, что это было?

Веня сидел рядом за столом, прижав к себе очумевшего Капитона. Мокрая шерсть кота стояла дыбом. Он не шипел, а как-то подвывал от ужаса.

– Бедный котик! – Веня уговаривал кота, не обращая внимания на меня. – Бедный котик, пришлось на нём верхом скакать, чтобы тебя вытащить!

– Котик... – завывала я, – котик... а я? Что это было?

– Я такого ужаса у нас в деревне никогда не видел, – сказал Веня. – Это не человек.

Он подумал, прижимая к себе кота, и сказал:

– И не животное.

Глава 5.

На следующий день приехала милицейская машина. Всех опрашивал молоденький лейтенант. Но мимо моей избы прошёл и даже не заглянул.

Словно я была невидимка. Может, и в самом деле я становилась ей.

Поразмышляв над этим феноменом, я решила извлечь выгоду. Вышла на улицу и пошла напрямик к лейтенанту. Снег под ногами у меня хрустел. Я себя видела и ощущала. Встав перед лейтенантом, я для убедительности помахала перед его носом рукой. Он никак не отреагировал. Деревенские тоже проходили мимо меня, как мимо несуществующего явления.

Отлично! Это даже удобно. Буду ходить за милицией, и узнаю в чём дело.

Лейтенант, занял избу сельсовета и приступил к опросу возможных свидетелей. Деревенские наперебой показывали в сторону моего дома и шёпотом говорили, что там живёт нечистый дух, ведьма, оборотни – все самые страшные явления, на которые была способна фантазия.

Милиционер отмахивался и призывал население к порядку. Сначала он терпеливо пытался разъяснить тёмному населению, что всех этих перечисленных явлений не бывает, и это уже доказано наукой. Старухи крестились и шептали

«вот те крест, милой, сама видела!».

После трёх часов жарких дискуссий на тему непознанного лейтенант сдался, всё записал, со всех собрал подписи под показаниями, бормоча себе под нос «что начальство засмеёт его с этими бреднями» и уехал. Меня никто не видел. Только иногда деревенские озабоченно и тревожно смотрели в мою сторону, как я вчера смотрела на тень. Вроде что-то видно, но что? Может быть, я тоже становлюсь ею?

Предварительное заключение выданное милицией по делу смерти гражданки Одинцовой Людмилы Владимировны звучало примерно так: «Смерть, наступившая в результате несчастного случая при столкновении с диким животным (медведь)». Рядом с Людкой нашли медвежьи следы, это всё запротоколировали и зафотографировали. Решили, что в лесу объявился медведь-шатун и привлечённый запахом еды ворвался в деревню. Посоветовали усилить меры безопасности и собрать отряд охотников для поиска медведя.

Людку похоронили. Над её могилой рыдал мужик, бросивший Людку ради молодухи. Похоронили её в складчину. Мужик совали деньги, но по мелочи. Утром он собрал всё ценное из избы Людки и уехал к молодухе в соседнюю деревню. Избушку заколотили крест-накрест, и забыли о пропойце Людке. Через два дня снова открылся магазин. Продавщицей приняли в спешном порядке внуку бывшего председателя Владимира Петровича.

Быть невидимкой для соседей оказалось не так уж и пло-

хо. Единственно неудобным, в моём положении было ходить в магазин. Меня не видели, и как покупать еду я не могла придумать. Воровать ведь не станешь у соседей. Просидев на сухом пайке и вызвал сильное недовольствие Капитона я нашла выход – приходила перед закрытием, и пока Алька раскладывала товар по местам, я набирала полную сумку еды и оставляла деньги на прилавке.

Естественно по деревне поползли слухи про нечистую силу. Алька рассказывала, как она видит то чёрта в магазине, то привидение Людки. Все пужались. Но ни у кого не вызывало удивления, что продукты не просто пропадали, а нечистая сила регулярно и добросовестно за них рассчитывалась.

– Даже сама брала сдачу! – Алька округляла глаза от ужаса рассказывая всё это.

Общество справедливо рассудив, что на родную милицию никакой надёжи нет, постановило привезти попа из соседней деревни. И собрать отряд охотников. Правда, тут мнения разделились, одни кричали, что всё это нечистая сила: и продуктами тарится в магазине и Людку порешила. Другие, считали, что медведь отдельно, нечистая сила отдельно. И надо принимать меры сообразно напастям.

Приехавшего попа первым делом повели изгонять нечистую силу в мой дом. Веня, этому не обрадовался:

– Ты как хочешь, можешь тут сидеть, пока поп кадилом машет, а я пошёл.

– Меня одну бросишь? – рассердилась я.

– Во-первых, не одну, а с Капитоном. А во-вторых, – Веня, начал опять загигать пальцы, – сейчас белый день. В-третьих – нечистая сила и вправду при попе в дом не сунется. А мне урон будет.

– Какой?

– Какой, какой... – проворчал почти растаявший в воздухе Веня, – мы, домовые, официальной церковью не признаёмся и относимся, по мнению церковных служителей, к низшему ряду нечистой силы, – сообщив мне, официальное мнение церкви на домовых Веня исчез окончательно.

Я решила не провоцировать испуганных соседей, и сняла засов с двери. А то опять двери выломают, мне же потом и чинить. Веня не помощник в этом случае. К дому подошла толпа испуганных соседей, указывая на окна, и что-то очень эмоционально рассказывая. Старенький поп, толстенный, похожий на колобка, внимательно слушал и кивал головой. Что-то объяснил испуганным деревенским и вошёл в дом один. Я устроилась за столом, налила чай и решила, как лицу заинтересованному мне будет позволено присутствовать при изгнании нечистой силы из моего дома.

Капитон прижал уши и тихо шипел. Я погладила его по голове.

– Здравствуйте, хозяева, – поп зашёл один и перекрестился на красный угол.

В приоткрытую дверь пытались заглянуть самые отчаянные. Особенно напирала тётя Шура, сдвигая могучим пле-

чом остальных смельчаков. Поп огляделся, прикрыл дверь:

– Не мешайте, уважаемые. Это таинство я должен совершить в одиночестве.

Перепуганные деревенские послушались, вышли на улицу и нетерпеливо переминались под окнами, ожидая чуда.

– Чаем угостите, хозяева? – поп присел за стол и покосился на мою чашку с горячим чаем. – К сожалению, я без гостинцев. И гость незванный, – он улыбнулся.

– Вы меня видите? – осторожно спросила я.

– Нет. Но чувствую, – признался поп. – Меня зовут Иван Варфоломеевич.

– Очень приятно. А я Маруся Кукушкина. Хозяйка этого дома. Временно невидимая. Чаем, конечно, угостим, всех с добром пришедших.

– Спасибо, Маруся, – Иван Варфоломеевич принял чашку чая. – Я бабушку твою знал. Хорошая женщина. А с тобой, что приключилось?

Он отпил из чашки и посмотрел туда, где должно было находиться моё лицо.

– Не знаю. Чудеса творятся в нашей деревне. С момента похорон бабушки.

Пока мы пили чай, я подробно рассказала ему обо всём.

– Знаешь, Маруся, не верю я, что это ты нечистая сила. Соседи очень испуганы. Я скажу, что обряд провёл.

– Спасибо.

– Чем вот только тебе помочь? – вздохнул Иван Варфоло-

меевич. – И с Людой история странная. На медведя эта тень никак не похожа.

– Не медведь это был, – согласилась я.

– Ладно. Спасибо за чай. Не буду надоедать тебе своим обществом. Если помощь будет необходима моя – обращайся. А я подумаю, что сделать, чтобы тебе помочь. И соседям твоим. Не со зла они, ты ж понимаешь.

– Понимаю, – я пожала плечами. – Только от этого, согласитесь, не легче.

– Да, – согласился Иван Варфоломеевич. – Общество требует ещё магазин освятить и избу Люды. Боятся они в магазин ходить, говорят, что там приведение по вечерам хозяйничает.

– Ага. И сдачу берёт, – усмехнулась я.

– Да, понимаю, что это ты совестливая, и расплачиваешься и сдачу берёшь. Но я рассказывать не буду людям. Схожу, проведу ритуал, – Иван Варфоломеевич встал из-за стола. – Редкое единодушие и обращение к вере наблюдается у людей при страшных обстоятельствах. Грех не воспользоваться в наш век безверия. Может, и зароню искру веры в Бога.

Он, раскланявшись, вышел на улицу и долго что-то объяснял толпе.

Я сидела за столом и хмыкала про себя, вспоминая беседу.

– И чем дело кончилось? – объявился Веня.

– Ничем. Чай с батюшкой попили, побеседовали о вере и людях.

– И кадилом не махал тут? – строго спросил Веня, подозрительно косясь на чашку с остывшим чаем.

– Нет. Пошёл своей долг исполнять для успокоения людей в магазин и в избу к Люде.

– Ладно. Чашку помой и мне чаю налей, – приказал Веня.

До вечера сидели с Веней впотьмах. Решили не пугать соседей, что мол, удачно всё прошло, изгнал поп нечистый дух из дома. Кот куда-то запропал. Видимо, он решил, как и Веня, что коты тоже люди.

Глава 6.

Деревенские до ночи сопровождали Ивана Варфоломеевича из одного конца деревни в другой. Осветили, видимо, всё, что придумали, лишь бы защититься от страшного.

– Не знаю, я Веня, – решила признаться я, – как я буду дальше жить. Вдруг я навсегда останусь невидимой? И что?

– И что? – хмыкнул довольный Веня. – Будешь тоже домовым.

– Ага. Я-то запахом питаться не умею. Воровать придётся. Нехорошо это.

– Ну, ты опять же подумай, как удобно быть невидимой! Пока я размышляла над этим, за дверью стал завывать Капитон.

– Капа? – я впустила кота. – Что с тобой?

Капитон с расширенными от ужаса глазами смотрел на незанавешенные окна. Мы за разговорами не заметили, как на улице стемнело, и в окно заглядывала луна. Почти круглая.

Кот прижимал уши и шипел. Я подошла к окну и забыв, что меня никто не видит, осторожно выглянула из-за занавески. В лунном свете стояла тень. Она была очень похожа на худого и очень большого медведя. Я от страха сжала подоконник.

– Веня... – стуча зубами, прошептала я. – Веня, что это?

И правда, медведь?

Веня сопел у меня над ухом, рассматривая зверя.

– Похоже на медведя. Но не медведь.

Медведь стоял и пристально смотрел на наши окна. Шерсть тускло отблескивала под луной. Нос дёргался, принюхиваясь. Пар вырывался из пасти. Всё указывало на то, что это настоящий медведь. Но, глаза, глаза были чёрными провалами. Словно медведь смотрел на меня пустыми глазами. И я, прячась за занавеской, чувствовала этот тяжёлый и мёртвый взгляд. По спине ледяной струйкой побежал пот, как тогда на улице, перед смертью Людки. Сердце билось где-то в горле, перекрывая дыхание.

Медведь не отводил взгляда от окон. Продолжал принюхиваться, переминался с лапы на лапу. Он чувствовал меня.

– Жуть... – выдохнул Веня мне в ухо.

Руки затекли оттого, что я стояла, вцепившись в подоконник. Я попыталась их разжать, и это получилось с трудом. Тело потеряв опору, не устояло на ослабших ногах и я снова схватилась за окно. Под руки попало бабушкино веретено, лежавшее в ложбинке рамы. Я взяла веретено в руки. Оно было тёплое, несмотря на то, что от окна тянуло холодом.

– Бабушкино! – тихо проговорила я, чувствуя под пальцами спиральные следы от нитей.

Я поводила рукой по веретену и успокоилась. Разом.

– Знаешь, Веня, – в полный голос сказала я и выпрямилась, уже не скрываясь перед окном, – пора разобраться с

этой тварью.

Держа в руке веретено, как кинжал, я вышла на улицу. Медведя нигде не было. Может это воображение разыгралось?

Капитон стоял рядом со мной и дрожал от ужаса. Из пасти свисала слюна. Он прижимал уши, и сипел. На холке шерсть стояла дыбом.

– Сзади! – завопил Веня, со спины кота.

Я обернулась, выбросив руку с веретеном вперёд. Передо мной был медведь. Из пасти вырвался зловонный пар, капала пена. Он был похож на бешеное животное, если бы не глаза. Глаз не было. Чёрные провалы смотрели на меня.

Капитон изогнулся дугой и завывая бросился на медведя. Вцепился в лапу, вырывая клочья шерсти. Медведь, не отводя взгляда от меня, тряхнул лапой, словно сбрасывая надоедливое насекомое. Капитон упал коротко мягнув.

– Не трожь Капитона! – разозлилась я и ткнула медведя в морду веретеном.

Он дёрнулся. И замахнулся лапой на меня. Капитон с остервенением бросился снова на медведя. Медведь отвлёкся на Капитона, пытаясь сорвать его зубами с лапы.

– Не трожь Капитона!

Спасая кота, я колола медведя веретеном. Стараясь попасть ему в морду. Он мотал башкой, уворачиваясь от меня, и пытался сорвать настырного кота. Разозлившись от моих нападков, медведь зарычал и пошёл, стараясь подмять под се-

бя, уже не обращая внимания на Капитона. Я отступала, понимая, что он мне не выстоять против этой туши. Упёршись спиной в забор палисадника, я почувствовала зловонное дыхание у себя на лице. Медведь довольно хмыкнул и поставил тяжёлую лапу мне на грудь. Я задыхалась, во мне всё хрустело и трещало. Ломались мои рёбра и хлипкий заборчик. Медведь наслаждался своей победой. Навалившись всей тушей он, старался раздавить меня. Заборчик подо мной жалобно хрустнул, и мы упали на куст смородины. Ветки хрустнули, ломаясь под тяжестью медведя. Он склонился и посмотрел пустыми глазницами мне в глаза. С морды хлопьями падала пена, попадая мне на лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.